

К. Казанский

**Суфизм с точки зрения
современной психопатологии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
К11

K11 **К. Казанский**
Суфизм с точки зрения современной психопатологии / К. Казанский – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 154 с.

ISBN 978-5-458-41863-8

Редчайшее издание, связанное с темой "Мистицизм в исламе". Книга дает обзор истории развития мусульманского мистицизма (суфизма).

ISBN 978-5-458-41863-8

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА I.

Понятіе о мистикѣ, ея происхожденіе изъ разсѣянаго возбужденія.—Опредѣленіе мистики М. Нордау.—Искусственная мистика.

Роль мистики въ психической жизни какъ отдельной личности, такъ и данного общества, можетъ быть выяснена только въ томъ случаѣ, когда самое явленіе будетъ разматриваться путемъ естественного метода. Понятіе о мистицизмѣ, знакомое повидимому каждому, не находило однако себѣ правильного опредѣленія, пока явленіе разматривалось съ точки зрѣнія метафизическихъ ученій о личности. Но съ тѣхъ поръ, какъ физиологическая психологія пробила себѣ путь въ науку, мистицизмъ по всей справедливости долженъ будетъ стать предметомъ клиническаго наблюденія. Патологическая основа психическихъ процессовъ у мистика выступить съ достаточною яркостью лишь при систематическомъ изученіи ея проявленій, при чёмъ послѣдовательный переходъ отъ наиболѣе рѣзкихъ уклоненій къ симптомамъ, мало отступающимъ отъ нормы, въ значительной степени облегчить задачу психолога-клинициста. Какъ невозможно установление точной границы между здоровымъ и больнымъ организмомъ вообще, какъ трудно опредѣлить тотъ моментъ, съ которого начинается патологическое отступленіе отъ нормальной дѣятельности любого органа, такъ еще болѣе неуловимъ переходъ отъ здороваго и правильного функционированія органа мышленія къ тому болѣзненному отношению человѣческаго духа къ явленіямъ вицѣнія міра,

которое известно подъ именемъ мистицизма. Метафизическая философія спокойно игнорировала явно патологическія особенности, сопровождающія мистику и цѣнила въ ней лишь то настроение души, которое приводило ее къ ощущенію «абсолютнаго». Между тѣмъ положительная наука принуждена была признать это ощущеніе какъ разъ лежащимъ на границѣ между нормальнымъ и патологическимъ состояніемъ сознанія. То, что въ лучшемъ случаѣ строгимъ философскимъ умомъ признается какъ чистая идея, реальность которой, находясь въ нашого ума, составляетъ предметъ научнаго сомнѣнія или вѣры, мистикою считается непреложной дѣйствительностью, которую можно ощущать, осознать, а слѣдовательно и изучать. Въ составъ этого ощущенія абсолютнаго мистика вводить главными элементами чувство красоты, блага, любви, наивно предполагая, что эти чувства не составляютъ результата психо-физиологического строенія, а суть продукты сверхъестественные. Стремленіе мистиковъ погрузиться въ абсолютное, отождествляемое со стремлениемъ слиться съ безконечнымъ, вытекаетъ изъ неправильно понятаго физиологического факта, известнаго въ положительной науцѣ подъ именемъ разсѣяннаго возбужденія (excitation diffuse).

Необходимо помнить, что возникающій въ нашемъ сознаніи образъ предмета не есть его точный отпечатокъ и не имѣеть характера совершенно отчетливаго оттиска, а всегда сопровождается извѣстнымъ ореоломъ, состоящимъ изъ побочныхъ соотношеній его къ другимъ предметамъ, его извѣстной окраски, его значенія для нашего дальнѣйшаго поведенія и т. д. Отъ этого и наше мышленіе, оставаясь въ предѣлахъ нормальнаго хода, идя отъ опыта къ извѣстному выводу и заключенію, не представляетъ тѣмъ не менѣе одинаковой для всѣхъ и кратчайшей линіи, а даетъ самые разнообразные зигзаги и уклоненія. Наше сознаніе останавливается при этомъ всегда на одной какой-нибудь сторонѣ объекта мысли, а остальные стараются или игнорировать или отвергнуть, и на эту

избирательную работу каждый изъ нась тратить время и энергию въ зависимости оть особенностей его мыслительного процесса. «Наша душа», говоря словами В. Джемса, «следуетъ своему собственному пути, когда рѣшаешь, какія въ частности ощущенія признать за болѣе реальныя и существенныя, чѣмъ остальные». И чѣмъ выше сфера дѣятельности органа мышленія, тѣмъ большии имѣть значенія избирательная роль нашего сознанія, такъ какъ въ эстетической области, въ особенности въ сферѣ нравственности, образы предметовъ отличаются наибольшимъ психическими ореоломъ, который наподобие сиянія окружаетъ ихъ формы. «Такъ, точное представлениe о красотѣ, говоритъ Фулье: бываетъ окружено цѣльнымъ роемъ неясныхъ образовъ, ускользающихъ оть изслѣдованія и составляющихъ внутри нась какъ-бы полутѣнь вокругъ этого представления». Но чувство красоты производить подобное же дѣйствіе: около главной эмоціи, какъ около центра, располагается безъ точныхъ границъ масса другихъ неопределенныхъ движений, въ общемъ придающихъ прекрасному характеръ безконечности. И если ассоціація идей и представлений, порождаемая красотою, растягивается наши чувствованія въ численномъ и пространственномъ отношеніи, то ассоціація воспоминаній помогаетъ этому растяженію въ отношеніи истекшаго времени, а присоединяющееся ко всякому эстетическому наслажденію желаніе, всегда неопределенное, еще болѣе усиливаетъ неудовлетворенное стремленіе къ безконечному въ будущемъ. Вотъ это-то томленіе безконечностью (*tourment de l'infini*), составляющее нормальный психо-физиологический фактъ, съ которымъ здоровое состояніе сознанія должно считаться и ограничивать его влияніе, признается мистикой явлениемъ сверхъестественнымъ и неизбѣжно приводящимъ къ «абсолютному». Не зная мѣры въ допущеніи побочныхъ идей, представлений, чувствованій и желаній, мистикъ перестаетъ справляться съ загромождающими его психической органъ возбужденіями и останавливается часто не на основныхъ идеяхъ и чувствахъ, а на

смежныхъ или находящихся въ отдаленной связи съ ними, не-
рѣдко подозрительныхъ и опасныхъ.

Метафизика не считалась съ этимъ двусмысленнымъ по-
ложениемъ мистического чувства. Такъ, Гартманъ, перечисляя
сопутствующія мистицизму болѣзнямъ отклоненія, придаетъ
имъ характеръ случайности и противопоставляетъ общей кар-
тины патологическихъ признаковъ отдѣльные примѣры, гдѣ
тотъ или другой изъ симптомовъ оказывается отсутствую-
щимъ. Но въ области душевной патологии также, какъ и нормаль-
ной физиологии, незыблемость законовъ не исключаетъ ин-
дивидуальности. Если въ природѣ не найдется двухъ совер-
шенно одинаковыхъ особей, то неудивительно, если мы не
встрѣтимъ и двухъ совершенію одинаково протекающихъ формъ
одной и той же болѣзни. Полный симптомокомплексъ того или
другого страданія встрѣчается развѣ только въ руководствахъ
по патологии, но у постели больного мы не находимъ обыкно-
венно полной картины болѣзнейшихъ признаковъ, хотя болѣзнь
отъ этого не становится легче. Въ своемъ перечисленіи сопро-
вождающихъ мистику особенностей Гартманъ не отрицаєтъ от-
вращенія мистиковъ къ дѣятельной жизни, склонности къ квѣ-
тизму и безмятежной созерцательности, стремлений къ духов-
ному и тѣлесному нигилизму, признающіе существованіе при
ней нервныхъ страданій, выражаютъющихся въ формѣ эпилепсіи,
судорогъ, экстазовъ, ипохондрическаго настроенія, галлюцина-
цій, допускаетъ аскетизмъ и рядомъ съ нимъ необузданную
 страсть къ распутству, упоминаетъ наконецъ о свойствахъ
 письма и рѣчи, въ которыхъ преобладаетъ распущенность образ-
ность, аллегоричность, произвольная игра словами, формальный
 параллелизмъ, темнота и неясность языка, но при всемъ этомъ
 не считаетъ указанныя свойства чѣмъ-либо существенно важ-
 нымъ и придаетъ имъ характеръ случайныхъ компликацій.
 Очистивъ отъ постороннихъ примѣсей зерно мистики, философъ
 утверждаетъ, что «истинная мистика есть нечто глубоко лежа-
 щее въ существѣ человѣка, нечто само по себѣ нормальное,

хотя и легко допускающее болѣзниенные парости, нѣчто высоко цѣнное, какъ для индивидуума, такъ и для человѣчества». Доводъ въ пользу такого сужденія о мистикѣ Гартманъ выставляеть главнымъ образомъ давность ея существованія, которое «безъ перерыва проходитъ чрезъ всю культурную исторію человѣчества, начиная съ доисторической древности и до настоящаго времени» *). Доказательство для Гартмана слишкомъ слабое. Вѣдь и душевныи болѣзни могутъ также постоять за свою давность въ исторіи культуры, однако нормальность ихъ существованія можно защищать лишь постолько, поскольку нормаленъ самый законъ зависимости человѣческой души отъ извѣстныхъ внутреннихъ и внѣннихъ условій, при нарушепіи которыхъ неизбѣжно должно послѣдовать отступленіе отъ состоянія равновѣсія. Въ этомъ смыслѣ не только мистика составляетъ явленіе нормальное, по конечно нормально и всякое патологическое состояніе, какъ результаѣтъ неустойчивости и несовершенства нашей организаціи, легко поддающейся вліянію неблагопріятныхъ условій. Органъ нашей психической жизни, находящійся въ состояніи непрерывнаго функциональнаго развитія и благодаря своему деликатнѣйшему, еще только едва памѣтному наукой строенію, встрѣчаѣтъ для себя столько не-normalныхъ условій, лежащихъ какъ въ самомъ организмѣ, такъ и виѣ его, что по справедливости можетъ считаться наименѣе уравновѣщеніемъ изъ всѣхъ органовъ тѣла. Опѣ какъ-бы отъ природы носить уже въ себѣ патологические зародыши.

Къ числу этихъ неустойчивыхъ элементовъ нашего органа психической жизни нужно отнести и мистическое чувство. Его корни лежать подъ слоями пробуждающагося самопознанія, гдѣ представленіе о памѣмъ «я» возсоздается еще только изъ физическихъ основъ личности и гдѣ на образованіе этого «я» еще не достаточно вліяютъ выводы изъ общей природы

*¹) Ed. Hartmann. Phylosophie des Unbewussten. Berlin 1873. I. c.

и условій сознательной жизни, гдѣ главный элементъ формирующегося сознанія индивидуальности составляетъ общее чувство существованія. Основное чувство органической жизни есть результатъ множественныхъ ощущеній, получаемыхъ отъ разнообразныхъ органовъ тѣла и пока оно не достигаетъ извѣстной степени интенсивности, оно остается подъ порогомъ сознанія, заглушаясь въ большинствѣ случаевъ высшими рядами психической дѣятельности. Это общее чувство въ силу безпрерывного своего повторенія такъ тѣсно сливаются съ нами, что искать его—говорить Рибо—значило-бы искать насъ самихъ. Постоянно дѣятельное, оно своей безпрерывностью восполняетъ свою незначительность. Но какъ равнодѣйствующая многообразныхъ и второстепенныхъ силъ оно легко мѣняетъ точку приложенія, обнаруживаясь то въ видѣ ощущенія общаго благосостоянія, то давая себя знать чувствомъ общаго недомоганія или паконецъ другими видами нашего самочувствія. Настроение духа зависитъ отъ игры этого общаго чувства. Его повышенный или пониженный тонъ то доставляетъ минуты поэтическаго вдохновенія, подъема духа, религіознаго экстаза, то погружаетъ въ мрачное состояніе подавленности, неудовлетворенности, безотчетнаго страха и пессимизма. Игра общаго чувства равно отражается и на влюбленной парѣ, объятой тинниной благоухающаго лѣса и на киргизѣ, качающемся на спинѣ верблюда, отмѣривающаго мѣрными шагомъ необъятную степь, и на ребенкѣ, запутанномъ нянѣй, когда оставляютъ его въ темнотѣ. Остающееся при обычномъ состояніи уравновѣшеннѣсти подъ порогомъ сознанія это неопределенное чувство, если оно изолируется при извѣстной обстановкѣ отъ воспріятій повседневной суетолоки, требующей отъ мышленія строгой дисциплины, наполняетъ сознаніе такимъ содержаніемъ, которое, будучи извлечено изъ области бессознательнаго, не находить подтвержденія въ логическихъ выводахъ и правильно настроенныхъ умозаключеніяхъ. Вотъ здѣсь-то и лежатъ первые признаки угрожающей опасности. Органическое сознаніе, на которомъ

должно было бы покойиться чувство индивидуальности, отныне пріобрѣтаетъ ложное направление; оно отказывается отъ нормального пути изслѣдованія, начинаетъ пренебрегать опытомъ и наблюдениемъ, логической мыслью, даже простою вѣрою и возводить свои построения при помощи воображенія и впечатлений внутренняго чувства. Явленія внѣшняго міра утрачиваются свои отношенія къ времени и пространству, къ обязательной связи по законамъ причинности и послѣдовательности и вступаютъ въ зависимость и отношенія сверхчувственные и духовныя, чуждыя для точнаго изслѣдованія и таинственныя.

Разница въ душевной дѣятельности здороваго и больного человѣка заключается главнымъ образомъ въ томъ, что у первого въ работѣ психического органа первенствующую роль играетъ внѣшнее возбужденіе, которое по мѣрѣ прохожденія процессовъ внѣшняго міра отражается опредѣленною и соответствиенною связью процессовъ сознанія, тогда какъ у больного психической механизмъ побуждается къ дѣятельности раздраженіями самостоятельнаго характера, возбужденіями внутренняго происхожденія; отъ этого внѣшній міръ для него становится или совершенно чуждыемъ, или же въ него переносятся порожденныя внутреннимъ міромъ фантазмы, отчего онъ и пріобрѣтаетъ въ представленияхъ больного совершенно неправильную, не реальнуя окраску.

Органъ сознанія у мистика стоять на распутьи этихъ двухъ дорогъ. Явленія внѣшняго міра, вызывая соответствующее раздраженіе, доходятъ у мистика до чувствительного аппарата въ болѣе или менѣе правильномъ неискаженномъ видѣ, и далѣе, направляясь по сложному пути къ центру восприятія, они еще въ области перцепціи сохраняютъ свои нормальные отношенія, но, достигнувъ послѣдняго своего этапа въ органѣ аперцепціи, извращаются здѣсь на столько, что въ сознаніи поступаютъ въ формѣ ложныхъ, не отвѣчающихъ дѣятельности свѣдѣній объ истинномъ источникѣ первоначальнаго

раздраженія *). Поэтому взаимоотношенія виѣшнаго міра и по-знающаго субъекта пріобрѣтаютъ у мистика психически-иллюзорный характеръ, т. е. чувственное возбужденіе перерабатывается корковымъ органомъ воспріятія въ представлениія, гораздо болѣе отвѣчающія душевнымъ настроеніямъ и общему тону безсознательной душевной жизни, нежели дѣйствительности.

Причину этого отступленія отъ нормы со стороны дѣйствительности воспринимающаго центра нужно искать въ аномалияхъ вниманія, а равно и въ отсутствіи опыта, при помощи котораго вырабатывается навыкъ различать сходныя явленія. Для мистического ума процессъ наблюденія становится беспомощною тяжестью. Вѣдь наблюдать—значить доставлять органу мышленія отчетливыя впечатлѣнія и ставить этимъ извѣстную группу представлений въ условія интенсивности и ясности, чтобы тѣмъ самимъ дать имъ въ сознаніи преобладающее значеніе, при которомъ подходящее къ нимъ воспоминательные образы пробуждаются, а отдаленные или ис связанные съ ними подавляются. Необходима слѣдовательно извѣстная дѣятельность дисциплинирующей воли, которая называется вниманіемъ.

Организмъ ежеминутно получаетъ отъ своихъ чувствительныхъ приборовъ такой громадный наплывъ впечатлѣній, что еслибы опять не обладать спасительною ограниченностью сознанія, то окончательно растерялся бы въ потокѣ ощущеній и ихъ послѣдствий. Но при помощи вниманія не все, что случается въ дверь нашего сознанія, имѣеть доступъ къ нему. Какъ опытный привратникъ, оно однихъ послѣдователей оставляетъ

*^у Вундтъ ради нагляднаго объясненія сравниваетъ сознаніе съ полемъ зре́нія глаза. Имѣющіяся въ данный моментъ въ нашемъ сознаніи представлениія находятся въ полѣ зре́нія; представлениія же, на которыхъ сосредоточивается наше вниманіе отвѣчаютъ точкѣ фиксації сознанія. При этой аналогіи вступленіе во внутреннее поле зре́нія можетъ быть названо *перцепціей*, а вступленіе его во внутреннюю точку зре́нія—*аперцепціей*. См. Вундтъ „Основ. физиологич. психологіи“, стр. 748.

за порогомъ, другихъ пускаеть въ переднюю и лишь немногихъ провожаетъ до внутреннихъ покоевъ. Эта подбирающая работа вниманія обезпечиваетъ интересъ къ известному овладѣвающему нами въ данный моментъ циклу идей, препятствуя вторженію въ него постороннихъ образовъ и сосредоточивая мозговую дѣятельность въ определенной сферѣ, отчего она получаетъ характеръ объединяющаго и сплоченного процесса. Поэтому Рибо и называетъ его «умственнымъ монодиезмомъ, сопровождаемымъ непроизводительнымъ или искусственнымъ приспособленіемъ индивидуума»*). Его значеніе для насть громадно: отъ него зависитъ глубина познанія нами вѣшняго мира. Безъ него это познаніе было бы труднѣе достижимо и менѣе совершенно. Продолжительность и интенсивность процесса приспособленія въ свою очередь находится въ зависимости отъ физиологического состоянія мозговыхъ клѣтокъ, этихъ носителей господствующихъ въ данный моментъ идей. Съ ихъ источеніемъ преобладаніе передается другимъ группамъ нервныхъ клѣтокъ, которая при достижениіи известной силы напряженія приспосабливаютъ организмъ къ новымъ цѣлямъ.

Способность ассоціаціи идей опредѣляется такимъ образомъ прежде всего при помощи вниманія, а вниманіе ничто другое, какъ способность воли опредѣлять степень ясности, продолжительность и тусклость представлений въ сознаніи. Чѣмъ сильнѣе воля, тѣмъ совершеннѣе можемъ мы приспособить весь нашъ организмъ къ данному представлению, тѣмъ болѣе можемъ создать чувственныхъ впечатлѣній, которые служили бы для его уясненія, тѣмъ больше можемъ извлечь посредствомъ ассоціаціи идей воспоминательныхъ образовъ, его дополняющихъ и рѣшающихъ и тѣмъ безапелляціоннѣе подавить представлія, которые мѣшаютъ главному или чужды ему—словомъ тѣмъ совершеннѣе и вѣрнѣе будетъ наше понятіе о явленіяхъ и ихъ взаимныхъ связяхъ. Этимъ путемъ

*.) Th. Ribot. Pschyologie de l'attention. Paris. 1889. I. c.

выработало человѣчество свои непреложныя истины, свою культуру и господство надъ силами природы.

Съ другой стороны въ физиологической жизни нашего органа мышленія встрѣчаются моменты діаметрально противоположные описаннымъ, когда дѣятельность падаетъ до *minimum'a*. Это состояніе бездѣйствія сопровождается отсутствіемъ всякаго единства системы идей и носить название разсѣянаго вниманія. «Большинство людей, говорить Джемсъ: ежедневно испытываетъ состояніе, когда глаза устремляются въ пространство, звуки, доносясь извнѣ, сливаются въ однообразный смутный гулъ, вниманіе разсѣивается настолько, что все тѣло ощущается какъ-бы сразу, а передний планъ сознанія переполняется какимъ-то печальнымъ чувствомъ подчиненія безплодно проходящему времени. На заднемъ фонѣ мышленія мы смутно представляемъ себѣ, что должны что-то сдѣлать: встать, одѣться, отвѣтить лицу, говорившему съ нами передъ этимъ,—словомъ, сдѣлать слѣдующій шагъ въ наше размышеніе. Но почему-то мы не можемъ двинуться. *La pensée de derrière la tête* еще не можетъ прорваться чрезъ оболочку летаргіи, которая сковываетъ наше душевное состояніе. Каждое мгновеніе ожидаемъ мы, что эта оболочка, наконецъ, разорвется, ибо не со знаемъ никакихъ причинъ, почему такое состояніе могло бы длиться. А между тѣмъ оно продолжается мгновеніе за мгновеніемъ и по прежнему мы куда-то плывемъ...»

Это и есть крайний предѣль того, что называется разсѣяннымъ вниманіемъ. Оно посѣщаетъ чаще всего натуры слабыя, для которыхъ всякое волевое напряженіе тяжело и невыносимо. На этой почвѣ безсилия представленія, врываючись въ сознаніе безъ всякой системы, также легко исчезаютъ, какъ и зарождаются, сплетаются въ неожиданныя, часто автоматическая сочетанія и какъ бы кружатся въ бѣшенной пляскѣ, которую не можетъ остановить волевое усиленіе, чуждая между собой онѣ заполняютъ поле перцепціи и вступаютъ въ неожиданныя сочетанія, отчего сознаніе получаетъ искаженное и